

М. М. Евалов

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	4
Введение	10
I. Род	14
II. Деды и бабки	32
III. Родители. Детство и отрочество	44
IV. Начало взрослой жизни	63
V. Война	70
VI. После войны. Муравьевская артель	76
VII. Брат Николай	87
VIII. Тайное общество	94
IX. Брат Александр	126
X. Первая отставка. Помещик	140
XI. Подследственный. Опять на свободе	145
XII. Брат Андрей	159
XIII. Губернатор	173
1. Витебск	173
2. Могилев. Участие в подавлении восстания 1830–1831 годов	178
3. Гродно	192
4. Курск. У истоков реформы Киселева	204
XIV. Сановник империи	225
1. Министерство финансов	227
2. Межевой корпус и Константиновский межевой институт	233
3. Русское географическое общество	248
XV. На пике карьеры	261
1. Департамент уделов	264
2. Министерство государственных имуществ	268
XVI. Крестьянская реформа и вторая отставка	283
XVII. Подавление мятежа в Северо-Западном крае	307
XVIII. Схватка двух мифов	338
XIX. Преобразование края и новая отставка	348
XX. Последний год	365
Заключение	376
Источники и литература	383
1. Муравьев (Виленский) Михаил Николаевич, автор	383
2. Документы и исследования	384
Указатель имен	400

ОТ АВТОРА

Люди, о которых я собираюсь рассказать, жили два века назад. Кто-то чуть больше, кто-то чуть меньше. Два века — это много или мало? Смотря как мерить. Мои герои родились накануне наполеоновских войн и умерли за полвека до Первой мировой, они писали гусиными перьями и только к концу жизни узнали, что такое паровоз. Так что, если измерять два века событиями, которые произошли за это время, будь то вселенские катастрофы или достижения технического прогресса, то двести лет — это целая вечность.

Но можно мерить и иначе. Например, тем, сколько поколений успели сменить друг друга. Человек живет долго. Он самое долговечное существо среди млекопитающих, а среди всех позвоночных дольше человека живут разве что крокодилы и гигантские черепахи. Меня, родившегося в середине XX века, от людей, о которых я буду рассказывать, отделяют четыре поколения — мои родители, деды, прадеды и прапрадеды. Всего четыре. К тому же каждое из этих поколений не столько отделяет нас от тех, кто жил два века назад, сколько связывает с ними...

Из двух дедов и двух бабушек, которые положены каждому человеку, я стал только одну бабушку — моего главного учителя и воспитателя, главного старшего друга моего детства и отрочества. Она-то и стала для меня связующим звеном с будущими героями этой книги. В ее памяти и ее рассказах жили и оттуда переселялись в мое сознание люди, существовавшие, как мне казалось тогда, давным-давно, которых звали «папá» (с ударением на последний слог) и «маман». От нее же я впервые услышал фамилию Муравьевы и с удивлением узнал, что моя бабушка, Ирина Николаевна Адамова, в девичестве тоже носила эту фамилию вместе со своими «папá» и «маман». Чуть позже я увидел и фотографию «папá» — черноволосый мужчина с небольшой бородкой за столом, заваленным бумагами. На стене у него за головой висел портрет: немолодой широкогрудый военный с усами, но без бороды, волосы зачесаны назад. Бабушка сказала мне, что это ее прадедушка — Михаил Николаевич Муравьев.

Примерно в то же время в отрывном календаре я увидел странную картинку: пять мужчин в профиль и, как мне показалось, без одежды. Четырех мужчин

в профиль я видел на картинках и раньше, но те были одетые, и к тому же трое с бородами, а один с усами. Эти были бритые. На мой вопрос бабушка пояснила, что это декабристы, что они восстали против царя и их за это казнили. Мне было лет семь, но я уже точно знал, что тот, кто восставал против царя, был героем. Сообщение бабушки, что один из казненных был родственником ее прадедушки и что этот прадедушка сам как-то участвовал в этом геройском деле, произвело на меня глубокое впечатление и преисполнило гордости за бабушкиного, а значит, и моего родственника.

Так Михаил Николаевич Муравьев вошел в мою едва начавшуюся жизнь, шагнув в нее через четыре поколения при прямом посредстве моей бабушки (его правнучки) и косвенном — моего прадеда (его внука).

Сейчас мне столько же лет, сколько было бабушке в ту пору, когда происходил этот разговор. Вот-вот появятся на свет мои правнуки. И между ними и моей бабушкой окажется столько же поколений, сколько насчитывается между мной и Михаилом Николаевичем Муравьевым, а я окажусь тем посредником, который поможет ей через четыре поколения шагнуть в жизнь моих правнуков...

С чувством гордости за предка я прожил 5 или 6 лет. Все это время я не упускал случая сообщать друзьям о моем родстве с героями-декабристами. Между тем бабушка, без особого, впрочем, успеха, учила меня немецкому и французскому и вспоминала какие-то эпизоды из своего детства. Что мать ее прекрасно пела, а отец играл на гитаре и на фортепьяно, хотя не знал нот. Что ей и двум ее сестрам совсем не давали денег, и они завидовали сыну садовника, когда тот приносил домой из лавки кулек леденцов. Что им не разрешали пить кофе («детям вредно»), и отец специальной ложечкой доставал для каждой из своей чашки кусочек сахара, пропитанного мокко, и это казалось им самым большим лакомством. Таких рассказов было множество. Но когда я спрашивал, кем работал ее отец или хотел поподробнее узнать о Михаиле Николаевиче, бабушка меняла тему.

Мне было лет двенадцать, когда на внутренней стороне крышки деревянной шкатулки, в которой бабушка держала старые письма и которую мне без взрослых открывать было запрещено, я увидел выжженную надпись: «Гр. Ирина Муравьева». Я поинтересовался, зачем эта надпись и почему, раз написано официально — «гр.», то есть «гражданка», не написано отчество Николаевна. Первая часть ответа оказалась совсем простой: эта шкатулка была у бабушки, когда она еще подростком училась в институте и жила в институтском пансионе. У многих ее соучениц были похожие шкатулки, и надпись была нужна, чтобы их не перепутать. Но дальше я узнал поразительную новость. Оказывается, сокращение «гр.» означало не «гражданка», а «графиня», и этой графиней была моя бабушка. На мой изумленно-глупый вопрос: «А почему ты графиня?» бабушка ответила: «Потому что мой отец был графом». «Что же, все Муравьевы были графами?» — не отставал я. «Нет, — ответила бабушка спокойно и очень серьезно, — в нашей семье первым графом был мой прадедушка Михаил Николаевич.

Он был возведен в графское достоинство со всеми своими потомками царем за заслуги перед отечеством». (Спустя 50 лет в Государственном архиве России я держал в руках Высочайший рескрипт о возведении М. Н. Муравьева в графское достоинство с собственноручной подписью императора: «Всегда благодарный Вам Александр».)

Но тогда, в 1963-м, я был смущен. Что-то тут было не так. Царь был для меня злом. Михаил Николаевич — героем, сопричастным героям-декабристам. Как же он мог оказаться графом по воле сына того самого царя, против которого они восставали? (К тому времени я уже проходил в школе историю СССР, и память у меня была хорошая.) Но дополнительных вопросов я тогда не задал. Что-то подсказало мне, что бабушке не захочется говорить неправду, а всю правду она мне сказать не сможет.

И я решил во всем разобраться сам. У родителей одного моего приятеля была Большая советская энциклопедия. Из нее я с изумлением и разочарованием узнал, что М. Н. Муравьев попал в энциклопедию не как герой-декабрист, а как жестокий подавитель польского восстания 1863 года, прозванный за свою свирепость Муравьевым-вешателем. Кем и заслуженно ли был он так прозван, я узнать тогда не мог, потому что в доступных для меня книгах об этом не писали, а бабушка разговаривать на эту тему упорно отказывалась. Вместо того чтобы разобраться, я еще больше запутался.

Лишь спустя годы я понял: произошло это потому, что в бабушке, как и в подавляющем большинстве людей ее поколения, жил страх, заставлявший тщательно скрывать в своей биографии все то, что могло стать основанием для повышенного и недоброжелательного внимания советской власти. А в бабушкиной биографии такого было ой как много. Предок — «вешатель» польских революционеров и личный враг А. И. Герцена, боготворимого большевиками. Отец — граф Николай Леонидович Муравьев, егермейстер двора его величества, в 1909 году был полтавским губернатором, а в 1912–1917 годах — губернатором Московской губернии. В 1918 году Н. Л. Муравьев эмигрировал, а две его незамужних дочери — моя бабушка и ее младшая сестра — по странным семейным обстоятельствам не смогли последовать за ним.

Обстоятельства эти были такими. Бабушкин отец был женат дважды. От первой жены, дочери известного предпринимателя, одесского городского головы, тайного советника Н. А. Новосельского, Ольги Николаевны, у него было три дочери. Старшая Елена, младшая Екатерина и средняя — моя бабушка Ирина. Прожив с Ольгой Николаевной лет десять, отец влюбился в гувернантку своих дочерей Веру фон Герстфельд, да так, что женился на ней, разведясь для этого с первой женой. Ольга Николаевна имела собственное небольшое состояние, но не захотела жить в столицах. Она выучилась на фельдшера и уехала сестрой милосердия на Русско-японскую войну. Дочери остались с отцом, точнее, под его опекой, потому что дома они жили мало и были пансионерками: Елена — Смольного, а Ира и Катя — Московского института благородных девиц. Мачеха держала их в черном теле: не забирала на каникулы домой, а когда

они все-таки попадали под отчий кров, не покупала им ни нарядов, ни сластей. Отец запирался с дочерьми в кабинете, ставил на стол коробку конфет и командовал: «Лопайте, пока Веры нет».

Поначалу свет и двор отнеслись ко второму браку Н. Л. Муравьева скептически. Но в 1909 году он, будучи полтавским губернатором, принимал царя на празднествах, посвященных 200-летию Полтавской битвы. Император остался доволен и хотел выказать Муравьеву свое особое благорасположение. Жена полтавского губернатора была как раз на сносях, и царь, поняв его деликатную ситуацию, согласился стать восприемником будущего ребенка. Обещание он сдержал. Сохранился документ — письмо из канцелярии Министерства Императорского двора: «Милостивый государь Граф Николай Леонидович, имею честь уведомить Ваше Сиятельство о последовавшем Высочайшем соизволении на восприятие от Св. Купели Высочайшим Его Императорского Величества Именем, согласно Вашего ходатайства, родившегося у Вас 4-го сентября сего года сына — Алексея. Всемилоостивейше пожалованный крестинный подарок матери новорожденного имеет быть доставлен дополнительно». Светские толки о семейной жизни Н. Л. Муравьева приумолкли. Крестной матерью Алексея и, следовательно, кумой Николая II была единокровная сестра новорожденного Ирина, моя бабушка. Сестры ее так и дразнили — «царева кума»...

Во втором браке у моего прадеда было четверо детей, одна дочь умерла в детстве от скарлатины, так что к 1917 году осталось трое. Когда пала монархия, он начал готовиться к эмиграции, переводя постепенно имевшиеся у него средства за границу. Но грянул Октябрьский переворот, а затем и красный террор, и прадеду пришлось бежать из России, фактически спасая свою жизнь: как московский губернатор он оказался в списках классово враждебных элементов, подлежащих аресту, а впоследствии и показательному расстрелу. В этих списках значилось много крупных чиновников — губернаторов, министров, членов Государственного Совета. Буквально накануне предполагавшегося ареста прадед успел инкогнито покинуть Советскую Россию и благополучно добрался до Киева, где властвовал гетман Скоропадский, с семьей которого прадед был хорошо знаком со времени своего губернаторства в Полтаве. С его помощью и при поддержке влиятельных друзей и знакомых, которые оставались у Муравьева в России, удалось выправить загранпаспорта для жены и детей.

Паспорта для Ирины и Екатерины тоже были заказаны. (Их старшая сестра Елена к тому времени была уже замужем. Позже она служила медсестрой в санитарном поезде добровольческой армии, начальником которого был ее муж М. М. Осоргин. Осоргины покинули Россию в 1920-м на одном из последних пароходов, ушедших из Севастополя в Стамбул.) Итак, паспорта для Ирины и Екатерины были заказаны, но на каком-то этапе их оформления мачеха сообщила человеку, который «устраивал» это дело, что падчерицы не едут, а им самим — что для них паспортов не будет. Бабушка рассказывала, что они с сестрой очень обрадовались этому известию и не пытались выяснить причины такого решения. Главным для них было избавиться от «тети Веры», как они

называли мачеху. Они даже ездили на Брянский вокзал, чтобы узнать, ушел ли наконец поезд, куда тетя Вера загрузилась с детьми, их няней и домашним скарбом. (Лет через пятьдесят после этих событий я как-то высказал предположение, что мачеха пеклась о будущем своих детей, ведь падчерицы могли претендовать на солидную часть состояния отца, которое он успел заранее переправить в Бельгию. Но бабушка заявила, что это маловероятно, что тетя Вера хотя и притесняла падчериц, но «была все-таки порядочной женщиной, раз на ней женился папá».)

Простояв два или три дня на вокзале, поезд с мачехой наконец ушел, а Ира и Катя остались в подмосковном Воскресенске (ныне г. Истра), где у отца было небольшое имение: «классово чуждые» девицы без опыта самостоятельной жизни, без работы и без карточек, в кровавом месиве 1918 года. Чтобы жить, нужно было работать. Наиболее естественной и, наверное, единственно возможной для сестер работой была школа. Образование позволяло: «золотые» выпускницы одного из лучших женских институтов России, они владели французским, немецким и английским языками, могли преподавать также музыку, историю, географию. В местной школе — она, кстати, до сих пор стоит возле Ново-Иерусалимского монастыря — были вакантные места. Но чтобы устроиться на работу, нужно было сообщить данные о себе. Здесь-то и родилась легенда о прямом родстве с Муравьевыми-декабристами, первыми русским революционерами и жертвами царизма. Родилась тем более естественно, что Михаил Николаевич с 1816 по 1821 год действительно был причастен к преддекабристским союзам и даже побывал под следствием. Легенда была, конечно, наивной. Достаточно было кому-то — соседу ли из-за кухонного спора или сослуживцу из-за карьерного соперничества — «проинформировать органы» о том, кем в действительности были бабушкины отец и прадед, и «царевой куме», конечно, не повздорилось бы. Тогда история семьи, в которой мне суждено было родиться, скорее всего, вовсе не состоялась бы. Но все обошлось. Благодаря реальной образованности и мифической причастности к первым русским революционерам бабушку и ее сестру приняли на службу в советскую школу. Таким образом в 1918 году, через пятьдесят с лишним лет после своей кончины, Михаил Николаевич Муравьев принял участие в судьбе моей бабушки, а следовательно, и в моей судьбе — в смысле увеличения количества тех бесчисленных случайностей, в силу которых мне в конце концов было суждено появиться на свет.

Двадцатью тремя годами позже образованность, конкретно — знание немецкого языка сыграло в жизни бабушкиной сестры Екатерины печальную роль. В декабре 1941 года в оккупированном городе Истра немцы согнали всех местных жителей, которые оставались в своих домах, в том числе Екатерину с маленьким сыном, в каменную церковь и приставили к ним охрану. Не было ни еды, ни воды. Екатерина Николаевна попросила немца-часового принести воды, чтобы напоить детей, и воду принесли. Через несколько дней немцев отогнали, и кто-то из сидевших в церкви сообщил «куда следует», что она о чем-то говорила с немцами. Это стоило Екатерине Николаевне десяти

лет лагерей в Караганде, которые урожденная графиня Муравьева оттрубила от звонка до звонка и вернулась в 1952-м без права проживания в столице и областных центрах. Бабушку такая беда миновала. Зато не миновали три похоронки с фронта: на мужа и двух сыновей.

Все это я узнал, уже будучи взрослым человеком, обремененным работой, семьей, участием во всех тех пертурбациях, которые выпали на долю послевоенного поколения россиян. Однако возникшее в детстве желание разобраться в биографии М. Н. Муравьева у меня никогда не исчезало. И вот теперь я попытался это желание исполнить.

Моя попытка осталась бы безрезультатной, а то и вовсе не была бы предпринята без совета и содействия многих доброжелательных и высоко профессиональных людей.

Благодарная память безвременно ушедшему другу, большому ученому А. П. Назаретяну, подсказавшему мне идею свести мои разрозненные заметки в книгу.

Искренняя и глубокая признательность известным специалистам по истории XIX века Т. Н. Жуковской и К. А. Соловьеву, любезно согласившимся просмотреть рукопись и высказавшим много ценных замечаний и полезных советов.

Большое спасибо директору издательства «Нестор-История» С. Е. Эрлиху, его заместителю Е. Ф. Качановой, редактору и корректору Н. В. Лесогору и Е. Г. Закревской, верстальщику Л. Е. Голоду стараниями, талантом и эрудицией которых рукопись превращена в книгу.

ВВЕДЕНИЕ

В 2016 году, когда я начинал работу над этой книгой, исполнилось 220 лет со дня рождения М. Н. Муравьева и 150 лет со дня его смерти. Он прожил долгую и причудливую общественно-политическую жизнь. Начал ее четырнадцатилетним студентом Московского Императорского университета, а закончил за месяц до семидесятилетия генералом от инфантерии, графом и председателем Следственной комиссии, отправившей на эшафот Каракозова — первого злоумышленника, покушавшегося на жизнь Александра II.

В 1863–1865 годах М. Н. Муравьев был едва ли не самым популярным человеком в России. Со всех концов империи ему слали приветственные адреса университеты, дворянские собрания, купеческие общества, крестьянские сходы. За его успехи возносились молитвы в тысячах православных церквей. В то же время в либерально-аристократических кругах его величали «людоедом», а вождь революционно-демократического лагеря А. И. Герцен называл поток приветственных писем к Муравьеву «адресоложством», а его самого чистил «вешателем» и «вампиrom».

Когда в начале сентября 1866 года император, наследник престола и весь двор на Лазаревском кладбище Александрo-Невской лавры провожали Муравьева в последний путь, на печальной церемонии незримо присутствовали два разительно не похожих друг на друга мифа. В одном из них покойный представал самоотверженным героем без страха и упрека, могучим спасителем России, в другом — беспринципным ренегатом, беззащитным карьеристом, реакционером и едва ли не патологически жестоким палачом. Сосуществование и конкуренция двух «муравьевских» мифов продолжились и после его смерти. В первое время после кончины графа героический миф слегка поблек. Большинство общественно-политических изданий не сочли даже нужным поместить некролог. Но с середины 1870-х героический миф начинает оживать. При Александре III образ М. Н. Муравьева вновь оказался востребованным как символ русской силы. Принимается решение воздвигнуть ему памятник, и начинается сбор средств. В 1898 году памятник был установлен в центре Вильны, учреждается также посвященный ему музей.

В первые десятилетия двадцатого века по мере усиления в общественном мнении демократических тенденций и критического отношения к официозной историографии в трактовке образа Муравьева усиливаются критические ноты, восходящие к наследию Герцена. В 1915 году статью о М. Н. Муравьеве в энциклопедический словарь Гранат пишет будущий «глава марксистской исторической школы в СССР» М. Н. Покровский¹. Эта статья, выдержанная в жестко антимуравьевском духе, с середины 1920-х годов становится директивной для всех советских историков и всех отечественных энциклопедий, так или иначе упоминающих о Михаиле Муравьеве. В 1936 году историческая школа М. Н. Покровского подвергается разгрому, в частности за очернительство истории России. Но список конкретных имен, которые подлежат исторической реабилитации, очень короток и определяется непосредственно директивной инстанцией. М. Н. Муравьева в нем, конечно, нет. Нет в нем, правда, и имен десятков других выдающихся деятелей XIX века. Но если другие из истории просто исчезают, то Муравьев остается в качестве антигероя с обязательным атрибутом «вешатель». В особенно трудное положение при этом ставятся исследователи истории декабризма: без упоминания М. Муравьева им обойтись трудно, но они помнят, что по правилам сталинского исторического мифотворчества отрицательные герои не должны упоминаться в компании с героями положительными. (В ряде энциклопедических изданий, например, в соответствующих статьях упоминается о том, что А. Н. и Н. Н. Муравьевы родные братья, но о том, что Михаил Николаевич тоже их родной брат, не сообщается.) В пятидесятые годы простой выход из трудного положения нашла М. В. Нечкина, которая при упоминании М. Муравьева среди членов преддекабристских обществ сообщила, что «до ареста в 1826 году будущий Муравьев-Вешатель, жесточайший усмиритель польского восстания 1863 года, еще не проявлял своих палаческих черт»².

Ситуация изменилась только после того, как российская историческая наука была освобождена от идеологических императивов и политических запретов. В начале нулевых М. Д. Долбилов в ряде статей, опираясь на обширный архивный материал, глубоко и непредвзято проанализировал различные периоды деятельности Муравьева³. В 2007 году появилось диссертационное исследование

¹ [Покровский М. Н.] Муравьев, граф, Михаил Николаевич // Энциклопедический словарь Т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°» / под ред. проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского [и др.]. Изд. 7-е. М. : Т-во «Бр. А. и И. Гранат и К°», [1916]. Т. 29. Стб. 397–399.

² Нечкина М. В. Священная артель : Кружок Александра Муравьева и Ивана Бурцова. 1814–1817 // Декабристы и их время : материалы и сообщения / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом) ; под ред. М. П. Алексеева, Б. С. Мейлаха. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. С. 164.

³ См. статьи М. Д. Долбилова: Конструирование образов мятежа: политика М. Н. Муравьева в Литовско-Белорусском крае в 1863–1865 гг. как объект историко-антропологического анализа // Actio Nova 2000 : сб. науч. ст. / отв. ред. А. И. Филюшкин. М. : Глобус, 2000. С. 338–408; Консервативная программа М. Н. Муравьева в реформаторском аспекте //

С. В. Ананьева, с объективистских позиций освещающее политическую биографию Михаила Николаевича в целом⁴. В 2008 году были переизданы записки Муравьева с приложением выдержек из мемуаров его современников. Составитель сборника и автор предисловия К. В. Петров завершает подготовленную им развернутую биографическую справку призывом отказаться от оценки Муравьева только как «вешателя»⁵. В 2014 году Институт русского мира издал сборник воспоминаний современников о нем, включив в этот сборник в основном записки деятелей, симпатизировавших Муравьеву и его политике⁶. Наконец, в 2015 году Институт российской истории выпустил в свет монографию Э. П. Федосовой «Жизнь на службе империи», посвященную главным образом работе Михаила Николаевича в Северо-Западном крае⁷. (Мне Эльмира Петровна Федосова не родственница, а однофамилица. — П. Ф.)

Задача историка, изучающего тот или иной период прошлого, по простому, но емкому определению классика немецкой историографии Леопольда фон Ранке, состоит в том, чтобы узнать из документов и других письменных источников и описать для других «wie es eigentlich gewesen» («как это собственно было»). То есть как действовали люди, поступки которых в совокупности и составляют историческое событие. М. Н. Муравьеву выпало поучаствовать во многих важнейших событиях и свершениях отечественной истории 20–60-х годов позапрошлого века, причем во многих из них он играл заметную, порой даже определяющую роль. Понять, как, собственно, происходили эти события, без учета роли Муравьева невозможно. Да и сама эта роль, действия и мотивы Муравьева в разных исторических ситуациях, его эволюция как личности и как политика нуждаются в дальнейшем осмыслении. Многие периоды его жизни до сих пор едва затронуты исследованиями. Многие документы, хранящиеся в центральных, ведомственных и региональных архивах, не изучены.

современность : мат-лы междунаrod. науч.-практ. конф. М. : РОССПЭН, 2001; Культурная идиома возрождения России как фактор имперской политики в Северо-Западном крае в 1863–1865 гг. // *Ab Imperio*. Казань, 2001. № 1–2; М. Н. Муравьев и освобождение крестьян: проблема консервативно-бюрократического реформаторства // *Отечественная история*. 2002. № 6. С. 67–90; «...Считал себя обязанным в сем участвовать». Почему М. Н. Муравьев не отрекся от «Союза благоденствия» // *Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы*. М. : РГГУ, 2008. С. 195–215.

⁴ *Ананьев С. В.* М. Н. Муравьев-Виленский: политическая биография : дис. ... канд. ист. наук. Саратов : Саратов. гос. тех. ун-т, 2007.

⁵ «Готов собою жертвовать...»: Записки графа Михаила Николаевича Муравьева об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863–1866 гг. / сост., вступ. ст., коммент. К. В. Петрова. М. : Пашков Дом, 2008.

⁶ Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском / сост., предисл. и коммент. С. В. Лебедева ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2014. (Русская биографическая серия).

⁷ *Федосова Э. П.* Граф М. Н. Муравьев-Виленский (1796–1866) : Жизнь на службе империи / Ин-т рос. истории РАН. М. : Изд. центр ИРИ РАН, 2015.

Исторической науке в принципе не дано с исчерпывающей полнотой ответить на сформулированный Ранке простой вопрос. И дело не только в неполноте и неизбежной внутренней противоречивости источниковой базы, но и в многообразии действующих лиц и групп, скрытости и малодоступности для анализа истинных мотивов их действий. В зависимости от интересов и точки зрения наблюдателей и участников их свидетельства об одних и тех же событиях различаются. Порой весьма существенно, а иногда и диаметрально противоположным образом. Что же касается истинных мотивов исторических персонажей, то о них историк может только догадываться с той или иной степенью вероятности. Поэтому даже в тех заключениях, которые делаются на этот счет на основании, казалось бы, неоспоримых фактов, всегда и неизбежно присутствует какая-то доля гипотетичности.

Но если дать вполне удовлетворительный ответ на вопрос «как это было» науке не по силам, то продвигаться к картине все более полной и адекватной исторической реальности вполне возможно. Этим мы и займемся.

І. РОД

Многие события, определяющие жизненный путь человека, происходят задолго до его рождения. За годы, десятилетия, а порой и за века. Эхо этих событий докатывается до нас из близкого и далекого прошлого через историческую память народа, к которому мы принадлежим, политическую культуру государства, гражданами которого являемся, через традиции и ценности той среды, в которой протекает наша жизнь.

В числе этих медиаторов между живущим поколением и событиями давно минувшими важное место занимает род — общность, включающая в себя потомков одного и того же предка, как живущих ныне, так и тех, кто жил прежде, — в той, естественно, мере, в которой факт их существования, их имена и их деяния закрепились в исторической памяти.

В XX веке революции, войны, социальные эксперименты, добровольная и принудительная миграция десятков миллионов перетасовали людей, перепутали, а то и порвали родовые связи. Мы все сегодня в какой-то мере и, как правило, не по своей вине «Иваны, не помнящие родства». Но в традиционных обществах с устойчивым сословным делением род был одним из важнейших факторов формирования человеческого «Я», одним из главных социальных гарантов и лифтов человека. К русскому обществу первой половины XIX века, в котором жил М. Н. Муравьев, это относится в полной мере. Внутриродовые и межродовые связи составляли центральную часть системы общественных отношений, в которых формировался и действовал человек. Неслучайно в русском фольклоре, встречая незнакомого человека, его прежде всего спрашивают, какого он рода-племени. Поэтому начать повествование о М. Н. Муравьеве я решил с обзора истории рода Муравьевых с момента первых упоминаний об этом роде до появления на свет моего главного героя, то есть с конца XV по конец XVIII века.

Об истории рода Муравьевых написано немало. В XIX веке были опубликованы несколько родословных, в том числе таких авторитетных авторов, как А. Б. Лакиер и М. В. Муравьев. Генеалогические обзоры имеются в посвященных М. Н. Муравьеву работах П. В. Долгорукова и Д. А. Кропотова.

В 1990 году в Москве прошла выставка, приуроченная к 500-летию рода Муравьевых. Экспозиция размещалась в залах филиала Государственного

исторического музея — в Музее декабристов, бывшем особняке И. М. Муравьева-Апостола на Старой Басманной в Москве. Чтобы получить все еще необходимые тогда согласования в партийных инстанциях, организаторы заявили выставку, как посвященную роду декабристов¹. Действительно, из рода Муравьевых вышло 8 человек, причастных к декабризму. Восемь человек из десятого поколения пятисотлетнего рода, которым выпало жить в первой трети XIX века, смогли прославить свой род в глазах одних современников и потомков или опозорить его в глазах других. Но они наверняка не могут претендовать на то, чтобы представлять род целиком — все 18 поколений Муравьевых, сотни мужчин и женщин, которые, сменяя друг друга, пять с лишним веков действовали и продолжают действовать в русской истории. Но создатели выставки, пойдя на небольшое лукавство, достигли главного: добились от государства, начавшего свою историю с уничтожения русского дворянства, разрешения на реализацию в одном из центральных государственных музеев проекта, посвященного не дворянину-революционеру, дворянину-поэту или дворянину-полководцу, а старинному дворянскому роду как таковому, со множеством деятелей, исповедовавших самые разные взгляды от ультрареволюционных до ультраконсервативных. С. Н. Муравьев прямо пишет об именно такой интенции выставки в своем предисловии к каталогу.

Тем не менее в родовой истории Муравьевых множество загадок и белых пятен, точнее — она вся состоит из белых пятен, изредка сменяющихся заполненными клетками. В нашей деревянной и часто горевшей стране генеалогические сведения, подкрепленные документами, — вообще большая редкость, и описание очень многих событий основано на изустных преданиях, передаваемых из поколения в поколение. Ну и, конечно, в России, как и во всех других странах, действуют общечеловеческие закономерности коллективной психологии, снижающие достоверность родовых преданий: избирательность памяти, уязвленные честолюбия, аристократические амбиции и показной демократизм.

* * *

Исторические события, определившие появление рода Муравьевых и его первые шаги, разворачивались в последней трети XV века — на завершающем этапе борьбы Ивана III за присоединение к Московскому государству Великого Новгорода, чьи земли простирались от Финского залива до Югры, далеко превосходя по площади владения поднимающейся Москвы. После многих лет политического и вооруженного противостояния республика на Волхове пала. В 1478 году Иван III принял Великий Новгород под свою руку.

Вскоре после этого события великий князь начал и в течение нескольких лет осуществил массовое перемещение значительной части новгородских землевладельцев в центральную часть Московского государства и размещение

¹ *Муравьев С. Н., Силаева М. Н., Якушкина М. М.* Выставка, посвященная 500-летию рода декабристов Муравьевых и Муравьевых-Апостолов : каталог. М. : Изд. авторов, 1990 (компьютерный набор). Титул. лист.

на отнятых у них землях служилых людей разных званий из московских, рязанских, владимирских, нижегородских и ярославских земель. Среди этих «новоселов» и упоминаются впервые Муравьевы.

Я уже приводил определение сверхзадачи исторической науки, предложенное Леопольдом фон Ранке: показать, «как это собственно было». Чтобы составить себе представление о первых шагах рода Муравьевых таким образом, который соответствовал бы этому требованию, нужно на основании имеющихся источников прояснить, когда конкретно прибыли Муравьевы на Новгородские земли и куда именно, кем они были до переселения на Северо-Запад и какой социальный и имущественный статус они приобрели на новом месте. Попробуем ответить на эти вопросы.

Известия о массовом переселении людей с Новгородчины в Центральную Россию, а из Центральной России на Новгородчину имеются в нескольких источниках. В Софийской первой летописи мы читаем:

«Год 6997. <...> Тое же зимы² князь великий Иван Васильевич переведе из Новагорода из Великого многих бояр и житых людей, гостей, всех голов больше тысячи, жаловал их[,] на Москве давал поместья, и в Володимери, и в Муроме, и в Новегороде Нижнем, и в Переславле, и в Юрьеве, и в Ростове, и на Костроме и по иным городам; а в Новгород Великий на их поместья послал московских многих лучших гостей и детей боярских, и из иных городов из Московския вотчины многих детей боярских и гостей, и жаловал их в Новгороде во Великом»^{3,4}.

Картина вполне благодная: и тех и других великий князь «жаловал» — один на Москве, других в Новгороде Великом. Правда, трудно представить себе, чтобы тысячи людей по доброй воле зимой бросили свои дома и отправились с женами и детьми на новое место жительства, до которого больше 700 верст (это месяц пути по меньшей мере).

Послушаем, однако, и другие известия. Софийская вторая летопись сообщает:

«В лето 6997⁵. <...> князь великий Москвич и иных городов людей послал в Новгород на житье, а их вывел, и многих изсечи велел на Москве, что, рекши, думали Якова Захарьича убити»⁶.

Тут картинка, как видим, совсем другая. «Великий князь послал»... Кого? Кто мог «привести из Новгорода» 7000 человек, включая по крайней мере пару тысяч мужчин, умеющих владеть оружием? Понятно, что это были

² Зимой 1488/89 г.

³ Софийская первая летопись. Б. Окончание списка царского II.

⁴ Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археологической комиссией. СПб. : Изд. Археологической комиссии, 1841. Т. 6: VI. Софийские летописи. Факс. изд.: в тип. Эдуарда Праца. СПб., 1853. С. 37. Далее — ПСРЛ с указанием номера тома.

⁵ 1489 г.

⁶ ПСРЛ 6. С. 238–239.

какие-то воинские контингенты. Значит, всё в целом было карательной экспедицией и насильственной депортацией. И причина ее (или повод) указаны тут же: заговор с целью убийства наместника великого князя. Убийство, которое, если оно действительно планировалось, конечно, не было самоцелью, а, по всей видимости, должно было стать сигналом к восстанию против власти Москвы. О том же говорит сообщение об уже состоявшейся к моменту депортации казни части заговорщиков («думцов»). Что же касается разночтения в отношении численности депортированных, то оно легко объясняется. Видимо, в первом тексте речь идет только о численности глав депортированных семей, а во втором — об общей численности, включая женщин и детей.

Итак, массовое переселение новгородских «житых людей» на восток было, по существу, депортацией и сопровождалось репрессиями. Вряд ли и жители из центральных районов, прибывающие на место депортированных новгородцев, покидали родные места вполне добровольно. О репрессиях, правда, историкам ничего не известно, но строгий приказ великого князя, конечно, был. Были, вероятно, и посулы, к чему мы еще вернемся.

Эта принудительная «рокировка элит» понадобилась великому князю для того, чтобы защититься как от возможных реваншистских устремлений побежденной, но не уничтоженной антимосковской партии новгородской аристократии, так и от вероятных посягательств западных соседей вновь приобретенных земель — Великого княжества Литовского и Ливонского ордена. Для этого прежде всего требовалось достаточное количество людей, преданных Москве, владеющих оружием и способных при необходимости встать на защиту новых рубежей Московского государства, равно как и служить противовесом возможным республиканским и сепаратистским поползновениям местных элит. Таких людей не было в достаточном количестве в самом Новгороде. Поэтому их нужно было «импортировать» из других областей Московского государства.

Но чтобы разместить новоселов на Новгородчине, их необходимо было обеспечить источником существования, то есть, по понятиям того времени, населенными земельными владениями. Таковые возможно было получить, только отобрав их у хозяев-новгородцев. Депортация наиболее ненадежных элементов новгородской элиты позволяла одновременно избавиться от потенциальных смутьянов и очистить место для вновь прибывших адептов Москвы. Иван Васильевич был прагматиком, наделенным достаточной волей и достаточным цинизмом, чтобы осуществить такую рокировку.

Среди вновь прибывших помещиков мы находим немало выходцев из княжеских родов, а также старых московских и городских служилых фамилий — бояр и детей боярских. Но рядом с ними — множество малоизвестных имен служилого люда, в том числе «послужильцев» крупных магнатов.

В этой пестрой по социальному составу массе переселенцев на новгородские земли прибывает и основоположник интересующего нас рода Иван Муравей.

Относительно его происхождения и времени прибытия на новгородские земли существует несколько версий. Согласно канонической версии, восходящей к дворянским грамотам, выданным в XVIII веке⁷, Иван по прозвищу Муравей был сыном рязанского боярского сына Василия Олуповского (варианты написания фамилии — Алаповский, Аляповский и даже Аламовский. Последнее, впрочем, скорее всего результат описки⁸). В новгородский край он прибыл где-то около 1500 года вместе со своим братом Есипом по прозвищу Пуща, ставшим родоначальником Пущиных. Эта версия в основных чертах по сей день воспроизводится во многих работах⁹.

Грамоты на дворянство — это очень своеобразный источник, к сведениям из которого нужно относиться осторожно. Они часто составлялись на основании неполных и неточных данных, по изустным семейным преданиям. В рассматриваемом случае приходится ставить под сомнение многие указания основной на дворянских грамотах канонической версии родоначалия Муравьевых.

Во-первых, время «испомещения» Ивана Муравья и его детей на новгородских землях — того события, которое стало поводом для первого документального упоминания о Муравьевых. Каноническая дата — 7008 год от сотворения мира, то есть 1500-й от Рождества Христова, — противоречит сохранившимся документам, из которых следует, что уже в 1493 и 1494 годах дети Ивана Муравья покупали холопов в Новгороде. На это еще в 1893 году обратил внимание исследователь генеалогии своего рода, выдающийся новгородский историк и краевед Михаил Валерианович Муравьев. Действительно, вот кабальная грамота 1493 года: «Григорей Мордвин Иванов сын Муравьев купил себе и своим детем Гредицу Феткова сына... И у него де Ивана служит Гридин сын Феткова Онисимко». То есть: Григорий Иванович Муравьев по прозвищу Мордвин (это старший сын Ивана Муравья) купил холопа Гредицу Феткова, сын которого Онисимко на тот момент служил у отца покупателя Ивана¹⁰. В подобной же кабальной записи 1494 года находим первое упоминание о третьем сыне Муравья, Михайле — от него и пойдет та ветвь Муравьевых, в которой триста лет спустя появится на свет главный герой этой книги. Вот эта запись: «Михайло Иванов сын Муравьев купил Павлеца Тимошкина сына Московитина да его жену Ориницу себе и своим детем»¹¹.

⁷ Жизнь графа М. Н. Муравьева, в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно : биогр. очерк, сост. Д. А. Кропотковым. СПб. : в тип. В. Безобразова и К^о, 1874. С. 1.

⁸ *Туманик Е. Н.* Александр Николаевич Муравьев : Начало политической биографии и основание первых декабристских организаций / Ин-т истории СО РАН. Новосибирск, 2006. С. 47.

⁹ *Федосова Э. П.* Указ. соч. С. 15; «Готов собою жертвовать...» : Записки графа Михаила Николаевича Муравьева... С. 7–8; *Туманик Е. Н.* Указ. соч. С. 47.

¹⁰ Записная книга крепостным актам XV–XVII веков, явленным в Новгороде дьяку Алябеву / Изд. Археогр. комиссии // Русская историческая библиотека. СПб. : Синод. тип., 1898. Т. 17 (сборный). Стб. 21. № 62. Л. 22 рукописи.

¹¹ Там же. Стб. 57. № 163. Л. 62 рукописи.

Когда же Муравьевы оказались на Новгородчине и начался их род? М. В. Муравьев уверенно называл дату: 1488 год. Основной его аргумент в том, что именно под этим годом летописи упоминают массовую депортацию новгородских землевладельцев и прибытие на их место служилых людей из центральных областей. Эту версию повторяет «Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона», а за ними Большая энциклопедия в 62 томах и Большая Российская энциклопедия¹².

Да, на 1488–1489 годы приходится пик грандиозной «рокировки элит», проведенной Иваном III. Но конфискации земель у новгородских владельцев и командирование на их места новоселов из Московских земель происходили и раньше, что подтверждается летописными текстами. Так, под 1484 г. читаем: «Тое же зимы поимал князь великий больших бояр Новгородских и боярынь, а казны их и села все велел отписати на собя, а им подавал поместья на Москве по городом...»¹³. Значит, земли освободились, и переселенцы могли начать прибывать и раньше. И Иван Муравей с семьей был, похоже, среди этих первых переселенцев.

В источниках есть прямое указание на то, что Муравьевы вместе с рядом других семей были «испомещены» на новгородских землях, то есть стали новгородскими помещиками, ранее 1488 года. Оригинал этого сообщения «испомещавшего» их по царскому указу государева писца Дмитрия Китаева не сохранился, но сохранилось несколько частных разрядных книг, в которых имеются «выписи» из этого документа, большинство которых сделано в XVII столетии. В «выписях» имеются ошибки, например, великий князь Иван Васильевич именуется Иваном Даниловичем, но дата государева указа об «испомещении» воспроизведена точно: «Лета 6991 апреля в 8-ой день», то есть 8 апреля 1483 года¹⁴. В приведенном далее списке семей, которые были «в те поры испомещены в Вотской пятине», под номером 9 названы Муравьевы^{15, 16}. К этому документу мы еще вернемся.

В посвященной Муравьевым литературе имеются также разнообразные суждения о том, куда именно были поселены Иван Муравей и его дети. Кто-то

¹² Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауза и Н. А. Эфрона. СПб., 1897. Т. XX. Стб. 195; Большая энциклопедия в 62 томах. М.: Терра, 2006. Т. 31. С. 103; Большая Российская энциклопедия. М.: БРЭ, 2013. Т. 21. С. 459.

¹³ ПСРЛ 6. С. 36. Софийская первая летопись. Б. Окончание списка царского II; ПСРЛ 8. С. 215. Летопись по Воскресенскому списку. Разночтение: *под* городом.

¹⁴ ОР ГИМ. Увар. № 604. Разрядные книги — государев разряд 2-й редакции 1585 г. (по классификации Буганова В. И.) с записями за 1448–1585 гг. и выпись из писцовых книг Водской пятины письма Дмитрия Китаева об испомещении послужильцев («поганая книга»).

¹⁵ См. также: Дела Тайного Приказа. Кн. 2. Стб. 30–31.

¹⁶ Выписка из писцовых книг Дмитрия Китаева о волостях и деревнях по Новгородскому уезду за 1500 г. (рукопись XVI в., 11 л. Л. 11) // Дела Тайного Приказа. Кн. 2 / Изд. Имп. Археогр. комиссии. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1908. (Русская историческая библиотека. Т. 22).

говорит, что Муравьевы получили в управление Лужецкий уезд¹⁷. Но Лужецкого уезда на рубеже XV и XVI веков не существовало. Кто-то рассказывает, что Муравьевым были пожалованы обширные земли, которые местами простирались до 10 верст¹⁸.

Точный ответ на этот вопрос мы находим в переписной книге Вотской пятины, составленной в 1500 году тем же Дмитрием Китаевым и Никитой Губой. Основательность переписи поражает. Она содержит не только поименные данные обо всех вновь «испомещенных» семьях, но и сведения об их кабалных «людях» и проживающих на их землях свободных крестьянах, а также об объеме и номенклатуре их хозяйств и величине их доходов. Из нее мы узнаем, что в 1500 году сыновья Муравья Русин, Михаил и Иван Ивановичи были помещиками в Каргальском погосте Копорского уезда. Это примерно в 250 верстах от Новгорода на берегу Финского залива. Дворы Русина и Ивана находились «в сельце на Сойкиных горах у моря», где кроме помещиков жили также 17 крестьянских семей. Михаил, прямой предок нашего героя, тоже жил своим двором неподалеку, «в деревне на Сойкиных же горах», по соседству с двумя крестьянскими семьями. Кроме сельца и деревни на Сойкиных горах братьям принадлежали еще три деревни. Записаны они как «Бородкино», «Другое Бородкино» и «Третье Бородкино у моря же» и имели 3, 6 и 2 крестьянских двора соответственно. Всего же на принадлежавших братьям землях, включая их самих с семьями, жили 46 человек, а доходу было «4 рубля, полсема (то есть 6½) гривны и пять денег, 14 бочек пива, 19 баранов, 11 полоть мяса, 2 пятка льну, 80 локоть полотна»¹⁹. Еще один сын Муравья, старший Григорий по прозвищу Мордвин, записан как помещик Сабельского погоста (50 верст от Новгорода) и совладелец 12 деревенок с 81 жителем²⁰. Не очень-то это похоже на огромные владения...

Выше я уже писал, что в социальном отношении состав переселенцев был весьма пестрым. К какому сословию принадлежал основоположник исследуемого рода? Каноническая версия родословия Муравьевых уверенно определяет Муравья как сына «рязанского сына боярского». Что касается самого Василия Олуповского, то одни исследователи указывают только, что род Олуповских (Алаповских) давно угас (П. В. Долгоруков, Д. А. Кропотов, С. Н. Муравьев). Другие же возводят род Олуповских к прибывшему в XII веке «из земли немецкой мужу честну Радше» — общему предку многих старинных родов: Бутурлиных, Пушкиных, Неклюдовых, Мятлевых. Тому самому Радше, внук или правнук которого Рача «Святому Невскому служил». Этого мнения придерживались, в частности, такие авторитетные исследователи, как А. Б. Лакиер и М. Т. Яблочков. М. В. Муравьев в составленной им родословной приводит

¹⁷ «Готов собою жертвовать...»: Записки графа Михаила Николаевича Муравьева... С. 8.

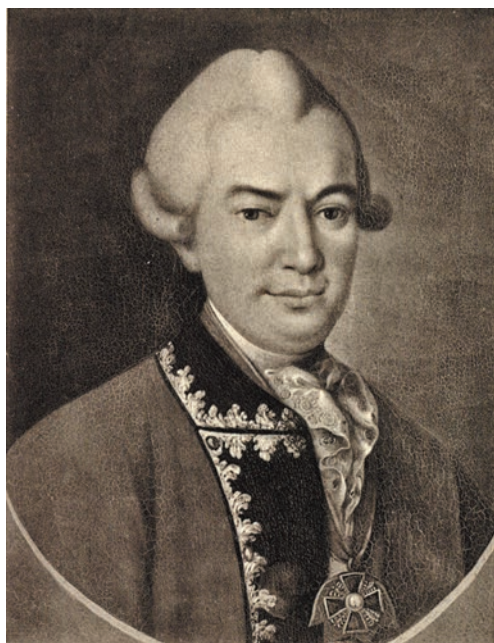
¹⁸ Федосова Э. П. Указ. соч. С. 15.

¹⁹ Новгородские писцовые книги, изданные археографической комиссией. СПб., 1868. Т. 3. Переписная оброчная книга Вотской пятины, 1500 года. Первая половина. Стб. 522–524.

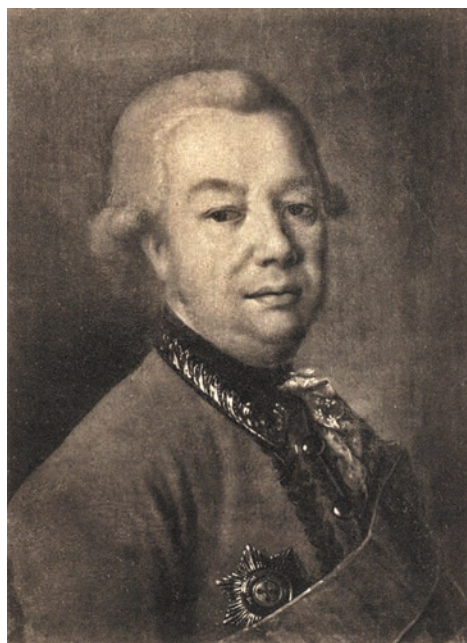
²⁰ Там же. Стб. 117.

Вид на урочище Сойкино и Финский залив. Здесь «у самого моря» были испомещены Муравьевы по прибытии на Новгородские земли в конце XV столетия. Ныне это территория сельского поселения Вистино Кингисеппского района Ленинградской области. *Фото 2019*

Николай Ерофеевич Муравьев —
дед М. Н. Муравьева

Михаил Иванович Мордвинов —
дед М. Н. Муравьева по материнской линии

Церковь Николая Чудотворца в селе Мроткино, куда был перенесен прах Н. Е. Муравьева.
Ныне Батецкий район Новгородской обл. Фото 2019

Бабка М. Н. Муравьева Анна Андреевна
Муравьева (в девичестве Волкова,
во втором браке Урусова).
Достоверного изображения бабки
М. Н. Муравьева по материнской линии,
его крестной матери Е. А. Мордвиновой,
найти не удалось

Николай Николаевич Муравьев —
отец М. Н. Муравьева

Александра Михайловна Муравьева
(урожденная Мордвинова) —
мать М. Н. Муравьева

Александр Николаевич Муравьев —
брат М. Н. Муравьева

Николай Николаевич Муравьев (Карский) —
брат М. Н. Муравьева

Предлагаемое читателям издание представляет собой биографию крупного государственного деятеля XIX века Михаила Николаевича Муравьева (1796–1866), написанную его потомком в 5-м поколении П. А. Федосовым на основании архивных документов, писем и свидетельств современников.

В книге рассматривается история рода Муравьевых, анализируются все периоды жизни главного действующего лица. Автором предложен многофакторный анализ участия М. Н. Муравьева в тайных обществах. На основании малоизвестных архивных материалов описана управленческая деятельность и итоги его губернаторства в Могилевской, Гродненской и Курской губерниях. Анализируются вклад М. Н. Муравьева в создание и становление Русского географического общества, содержание и результаты его работы во главе Межевого корпуса, Департамента уделов и Министерства государственных имуществ. Предложено новое понимание его роли в осуществлении реформы 1861 года. Исследуется деятельность Муравьева по подавлению мятежа и проведению реформ в Северо-Западном крае в 1863–1865 годах, руководству следствием по делу Каракозова в 1866 году. Освещается история взаимоотношений с Николаем I и Александром II, рядом крупных сановников двух царствований. Автор книги предпринимает попытку реконструкции внутренней мотивации решений и действий М. Н. Муравьева на всех этапах его политической биографии.

ISBN 978-5-4469-1800-3

9 785446 918003